

**Таганрогская правда. – 2021. – 29 октября – 4 ноября. – С. 7;
4-11 ноября. – С. 13**

Дожить до расстрела

Александр Лапенков

Вначале – известные страницы истории

Кем были 19 партизан, казненных немцами в селе Лакедемоновка в 1918 году? Попытаемся это прояснить, рассказав вам о письме, полученном «Таганрогской правдой». Но обо всём по порядку.

3 марта 1918 года советское правительство подписало с Германией драматичный, «позорный» Брестский мир, завершивший участие России в Первой мировой войне. Тем самым были перечеркнуты все заслуги русского воинства. Наша страна теряла Польшу, часть Украины, Прибалтику и Финляндию, на Кавказе – Карсскую и Батумскую области. 780 тысяч квадратных километров с населением 56 миллионов человек. Армия и флот демобилизовывались, причем Черноморский флот полностью передавался Германии и ее союзникам. Помимо этого РСФСР обязывалась выплатить 6 миллиардов марок.

Латышские стрелки и анархисты

Но, по сути, мир остался на бумаге. Немцы, стремясь выжать из поражения России всё возможное, продолжили движение на восток. Хотя согласно договору этого делать были не должны. Любопытно выглядит объяснение германской стороны. Пунктуальные немецкие офицеры из штаба главнокомандующего дислоцированными на Украине войсками генерал-фельдмаршала Германа фон Эйхгорна обнаружили в киевских анналах русскую карту, изданную ранее 1888 года. А на ней черным по белому: Таганрог и Ростов с 1802-го по 1887 год включительно входили в состав Екатеринославской губернии (Екатеринослав – ныне город Днепр, Украина).

В связи с продвижением немецких войск в марте 1918 в Таганрог из Екатеринослава бежали правительство Украинской Советской Республики – Народный секретариат и ЦИК Советов УСР. Эти органы украинской власти расположились во дворце Алфераки.

Вместе с большевиками отступили с Украины и их тогдашние союзники – анархисты. Сюда во главе своей потрепанной немцами банды прибыл и знаменитый впоследствии Нестор Махно.

Для отпора интервентам в городе создавались различные вооруженные формирования, в частности, латышские стрелковые отряды. Но все усилия большевиков успехом не увенчались.

Немцы продвигались легко и быстро, поскольку русской армии уже не существовало, да и очертания самого государства стали зыбкими. Отдельные чудом сохранившиеся части и местные вооруженные отряды серьезного сопротивления оказать не могли. Кроме того, уже разгоралась Гражданская война, и на большой территории вчерашней империи царил вооруженный хаос. В марте немцы захватили Киев, Одессу, Николаев. 9 апреля войска кайзера заняли Харьков, 10 апреля – Белгород. Большевики ушли, если не сказать, бежали из Таганрога. Они прекрасно знали: пощады им не будет! Много чего кровавого сотворили они в городе. 1 мая 1918 года в Таганрог вступили немецкие войска. Их комендатура разместилась в гостинице «Европейская».

«Генераль прикасаль...»

Вот что вспоминал очевидец случившегося – таганрожец Леонид Давыдович Зимонт: «Вероятно, первым событием, которое я хорошо запомнил после приезда в Таганрог (во всяком случае, оно затмило все остальные), было вступление в город немцев. Сперва была слышна отдаленная артиллерийская стрельба. Потом город неожиданно опустел. С улиц исчезли вооруженные люди. И вообще, народа стало очень мало, как видно, все сидели по домам. А потом появились небольшие группы немецких солдат. Зеленовато-серая форма. Круглые стальные каски, вовсе не похожие на те, которые я видел на картинках. Запыленные сапоги. Усталые, совсем не свирепые, как я ожидал, лица. Ехали какие-то добротные сделанные повозки, запряженные плотными рослыми лошадьми с безобразно коротко обрезанными хвостами. Изредка раздавались негромкие, но очень четкие команды на незнакомом и показавшемся мне неприятным языке.

Со следующего дня оккупация вошла в повседневный быт. Немцы оказались разными. В соседнем дворе было расквартировано несколько солдат. У них была великолепная серая овчарка. Собака ласковая, охотно давала лапу, смотрела на нас добрыми умными глазами. Солдаты тоже держались миролюбиво и, по крайней мере, к нам, детям, относились хорошо. Ничего плохого я не видел и от других немцев. Но на улице нередко можно было встретить немецкого офицера, реже солдата, с надменным выражением лица и холодным невидящим взглядом. От такого взгляда делалось неуютно и вспоминались слышанные рассказы о зверствах пруссаков. Чуть ли не ежедневно комендант города издавал разные приказы. Я не знаю, печатались ли они где-нибудь, но как доводились до сведения населения, помню хорошо. По улице четким шагом под тревожную барабанную дробь движется отделение солдат (человек десять) с офицером впереди. Громкая лающая команда. Солдаты замирают по стойке смирно. Барабан замолкает, и офицер на ломаном русском языке начинает громко читать: «Комендант города генераль такой-то прикасалъ...» и т.д. Прохожие останавливаются, слушают, иногда подходят ближе. Чтение кончается. Снова лающая команда, и под барабанную дробь маленький отряд продолжает путь, печатая шаг в лучших традициях прусской выучки, идущей, вероятно, еще со времен Фридриха Великого. Метров через двести всё повторяется.

Однажды в дом пришли два немецких офицера. Держались вежливо. Интересовались доктором «Симонт». Отец очень плохо знал немецкий язык, в результате чего разговор шел на французском. Оказывается, они рассматривали отца как военнопленного (военный врач русской армии) и взяли с него устное обязательство (честное слово офицера), что он никуда не уедет без ведома комендатуры. Слово отец сдержал. Да и куда он мог поехать?»

«Торопливо хоронили покойников...»

Напротив дома Зимонтов, на другой стороне Петровской улицы, был небольшой пустырь, на котором часто играли дети. Леонид Давыдович продолжал:

«Немцы на нем устроили стоянку грузовых автомобилей. Тогда это была новость, во всяком случае, в Таганроге, где я до этого не встречал ни одного грузового автомобиля. Всего машин было штук 15. Выкрашены в защитный цвет. Вместо теперешних баллонов колеса были обтянуты сплошными резиновыми лентами прямоугольного сечения. Их называли грузолентами. На тяжелых грузовиках они встречались на протяжении всех двадцатых годов, кое-где, может быть, и в начале тридцатых. На мостовой такие автомобили ужасно гремели и так тряслись, что на шофера и пассажиров было страшно смотреть.

Хотя я ничего плохого от немцев не видел, всё было на самом деле далеко не так мирно и спокойно. Были взяты заложники. Кажется, 35 человек, как обычно, из наиболее известных и уважаемых людей города. Одного из них я знал. Это был лучший фотограф Таганрога Рубинчик. Его фотография с большой вывеской была в трех кварталах от нашего дома. На окраинах, по слухам, кого-то расстреливали, арестовывали, пороли. Но всё это были лишь слухи. В какой мере они подтверждались, не знаю. В городе было тихо, но тревожно. Ясно одно: какие бы эксцессы ни происходили (а они, конечно, были), они не шли ни в какое

сравнение с тем, что творили оккупанты и в Таганроге, и в других местах во время Великой Отечественной войны. Штаб группы немецких войск в Таганроге (кажется, это была дивизия) помещался недалеко от нас на углу Греческой улицы и переулка, название которого я забыл, в довольно большом по масштабам города двухэтажном особняке. У парадного подъезда спокойно с винтовками на ремне, с плоскими примкнутыми нерусскими штыками стояли два солдата. Переступая с ноги на ногу, они изредка перекидывались негромкими словами. В двери то и дело входили и выходили офицеры. Солдаты подтягивались, изображали какое-то подобие стойки «смирно», но, насколько я помню, винтовки у них оставались на ремне.

Кажется, во время немецкой оккупации, во всяком случае, в то лето, Таганрог подвергся сильной артиллерийской бомбардировке. Слово «большевики» снова было у всех на устах. Обстрел вела целая флотилия мелких переоборудованных торговых судов. Жильцы дома переселились в подвал. Набралось человек 25. Было очень интересно жить в одной большой комнате с крошечными окошками под низким потолком, умываться во дворе из ковшика, конечно, если в это время не стреляли.

А город продолжал жить. В перерывах между бомбардировками люди бегали на базар, торопливо хоронили покойников, копались в садах и огородах, ходили на работу. В наш дом ни один снаряд не попал, если не считать многочисленных осколков. Многим соседям повезло меньше. Было повреждено здание окружного суда метрах в двухстах от нас. Напротив него был красивый одноэтажный особняк купца Ильченко. Снаряд ночью влетел в окно спальни, пробил стену и взорвался за пределами дома. Интересно, что при этом никто не пострадал, хотя в спальне спали дети. Конечно, далеко не везде всё обходилось так благополучно. Снарядами был подожжен патронный склад. Несколько часов бушевал пожар под аккомпанемент непрерывной «стрельбы» рвущихся патронов.

В течение нескольких дней слышали мы орудейные выстрелы, зловещий свист снарядов, пролетающих над домом, и близкие или отдаленные взрывы. Потом флотилия ушла, и обстрел прекратился. Сумели ли их отогнать, или снаряды кончились, или была какая-то другая причина – не знаю.

Больше мне о немцах писать, пожалуй, нечего...»

Судя по всему, обстрелы, о которых говорит Леонид Давыдович Зимонт, производились «проснувшимся» командованием Красной армии. На берег Азовского моря под Таганрогом высадился довольно крупный десант – более шести тысяч штыков и сабель во главе с бывшим офицером Черноморского флота В.П. Лебедевым. 10 июня он начал наступление на город, и первые два дня оно развивалось успешно. Однако немцы пришли в себя, и уже 13-го остатки десанта были сброшены в море. Вернуться удалось только половине от списочного состава.

«Демаркационная линия не должна быть нарушаема»

Смешно, но когда началась высадка, немецкий комендант Таганрога пожаловался в штаб 1-го ландверного корпуса (три пехотные дивизии и кавалерийская бригада), расположенного в Ростове. Оттуда беспокойство по телефонным проводам передано главному командованию в Киев. Его представители в ультимативной форме заявили членам московской делегации, что в случае продолжения операции германские войска, дислоцированные в районе Ростова, начнут наступление на Кубань. В Кремле этого никак не хотели, и Ульянов (Ленин) отправил в подконтрольный Красной армии Ейск срочную телеграмму: «Германские власти заявляют: войска из Ейска совершают набеги на территории, занятые германскими войсками. Ставим на вид: установленная демаркационная линия ни в коем случае не должна быть нарушаема. Виновные будут подлежать строгой ответственности перед революционным трибуналом». Комментарии излишни.

«Обвинение в большевизме считалось самым страшным»

Точно свора голодных волков рыскали отряды оккупантов по городу, селам и станциям, забирая всё, что попадалось под руку вплоть до медных ручек от дверей и пустых бутылок.

Как вспоминает еще один таганрожец Владимир Оноиченко, «заяв Таганрог, немецкие войска немедленно начали открытый грабеж предприятий города, близлежащих сёл. Они вывозили в Германию хлеб, мясо, металл, части машин. Не обошли они и кожевенный завод, который работал с перебойми. Немцы постарались вывезти не только оставшуюся кожевенную продукцию, но также и кожсырьё, различные материалы. Немалую помощь в этом оказали оккупантам руководители завода во главе с директором Плесние, который вернулся вместе с приходом немцев. Оккупанты, объединившись с внутренней контрреволюцией, установили жесточайший кровавый режим. Обвинение в большевизме считалось самым страшным и тяжким обвинением».

Всякое сопротивление немецким оккупантам безжалостно подавлялось. Однако, несмотря на это, вскоре после прихода немцев появляются партизанские красные отряды, начавшие борьбу с немецкими и гетманскими частями...

«Наверняка остались потомки...»

Недавно в редакцию «Таганрогской правды» пришло письмо: «Здравствуйте! Пишет вам пенсионер, проживающий в Эстонии, но когда-то имевший связь с проживавшими в селе Лакедемоновка родными, ныне все они, к сожалению, умерли. У меня имеется рукописный документ, подтверждающий, что в 1918 году немецкими оккупантами были расстреляны 19 партизан села Лакедемоновка. Причем под эту акцию чуть было не угодили мой отец Михаил Владимирович Колоденко и его старший брат Иван Владимирович. По всей видимости, при отборе заложников немцы действовали по принципу устрашения населения, поэтому и решили выбрать моего будущего отца, которого спасла мать, буквально вырвав из рук немца своего младшего десятилетнего сына. Расстрелянных партизан будто бы захоронили на подворье храма Николая Угодника.

Почему обращаюсь к вам? Попытки связаться с поселковой администрацией не удалось. Своих и официальных адресов электронной почты они не афишируют. Если вас заинтересовала моя информация, я вышлю список расстрелянных партизан, ведь у них наверняка остались потомки.

Отец родился в 1908 году в селе Лакедемоновка, там же и похоронен. К сожалению, многие факты биографии отца мне неизвестны, он был человеком замкнутым. Все подробности семейной биографии мне сообщили вдовы его старших братьев. Отец был призван на военно-морской флот из Таганрога, где занимался комсомольской работой, и служил в Баку на канонерской лодке «Бакинский рабочий». Год призыва мне неизвестен, но по сохранившемуся партийному билету видно, что его приняли в партию в 1934 году партийной организацией ККФ (Краснознаменная Каспийская флотилия). Родился я в Баку в 1936 году.

Старший брат отца – Иван Владимирович погиб при боях на Миусском плацдарме в 1942 году. К сожалению, он даже не внесен в список воевавших, составленный руководством сельского поселения.

Коротко о себе. Окончил Таллинское мореходное училище в 1955 году. Плавал механиком на пароходах в Сахалинском морском пароходстве, затем в 1962 году окончил ЛВИМУ. По распределению был направлен в Таллинн, где и работал механиком на судах Эстонского морского пароходства до 1995 года, вплоть до выхода на пенсию.

Этот список ко мне попал после смерти отца, когда я приехал в Лакедемоновку, к сожалению, уже после его кончины, так как был в длительном рейсе. Он написан отцом от руки, но в достоверность его я верю. Видимо, написать документ ему помогли какие-то связи. Документ написан чернилами на тетрадном листе. Как я полагаю, этот список расстрелянных фактически недоказуем. Но кто эти мученики, отдавшие свои жизни за русский народ, за молодую Советскую республику? Возможно, публикация списка, даже под знаком предполо-

жения, сможет вызвать отклики родственников погибших, что подтвердит версию преступления.

Награды отца: орден Ленина, орден Боевого Красного Знамени, орден Красной Звезды, десять медалей, в том числе «За боевые заслуги» и «За оборону Кавказа».

Отец вышел в отставку в 1957 году. Через два года я приехал в Лакедемоновку в шестимесячный отпуск после трехлетней работы в Сахалинском пароходстве, где помог отцу строить дом. Видимо, после постройки, где-то в эти годы, он и ознакомился с этим списком...»

Храбро воевали Колоденко

Я провел небольшое расследование. Отца обратившегося в нашу редакцию Владимира Колоденко призвали на службу в ноябре 1930 года. По архивным данным Министерства обороны, его старший брат Иван, 1894 года рождения, был призван на фронт Таганрогским ГВК, воевал в составе 4-й гвардейской стрелковой бригады. Он не погиб, а согласно донесению Таганрогского ГВК от 27.07.1946 г. пропал без вести в 1943 году (по данным сайта <https://pamyat-naroda.ru/> – в марте 1944 г.). Имя Ивана увековечено в «Книге Памяти Ростовской области», а также на мемориальном памятнике в с. Лакедемоновка.

Храбро воевали и другие таганрожцы Колоденко, (сайт podvignaroda.ru): Иван Маркович, 1919 года рождения, лейтенант, был награжден медалью «За отвагу» и орденом Отечественной войны II степени, Владимир Николаевич, подполковник техслужбы, – медалью «За боевые заслуги», орденами Красной Звезды и Боевого Красного Знамени. А вот красноармейцу Владимиру Карповичу Колоденко не повезло: его убили в 1944 году...

***

Жизненный путь – всегда выбор. На нашем жизненном пути есть только две заданные точки: рождение и смерть. Дорогу, по которой идти, мы выбираем сами, добровольно. Партизаны Лакедемоновки выбрали свой путь, который кардинально изменил их судьбу. Совсем не идеализируя этих людей, хочется узнать биографии, подробности жизни, чего они в итоге хотели добиться, какими убеждениями руководствовались, решив бороться против оккупантов. Может быть, кто-то из потомков действительно откликнется?

...Выиграв мировую войну на Востоке, немцы проиграли ее на Западе. В ноябре 1918 года в Германии тоже вспыхнула революция, немецкие части стали массово покидать оккупированные территории.

Так же внезапно, как появились, они и ушли. В сентябре по Таганрогу опять поехали повозки, запряженные упитанными, рослыми бесхвостыми лошадьми, сопровождаемые солдатами в зеленовато-серых мундирах. Проехали короткоствольные пушки-гаубицы – и немцы исчезли. Некоторое время оставались только связисты, снимавшие протянутые по улицам провода полевых телефонов...

Вот имена 19 партизан, расстрелянных немцами в Лакедемоновке:

Авруцкий Андрей Мефодьевич,

Барсов Сидор Савельевич,

Григорьев Игнат Фёдорович,

Григорьев Фёдор Павлович,

Григорьев Филипп Александрович,

Зайцев Андрей Иванович,

Колоденко Захар Арефиевич

Колоденко Александр Захарович (расстрелян в Большой Федоровке),

Кириченко Спиридон Захарович,

Кравченко Степан,

*Колода Пантелей Агафьевич,
Кириченко Прокофий Павлович,
Литвиненко Пётр Сергеевич,
Никитенко Василий Алексеевич,
Никитенко Дмитрий Васильевич,
Терещенко Иван Иванович,
Шищенко Пуд Иванович,
Шевченко Яков Семёнович,
Щербак Борис Гаврилович.*

ЦГТІБ імені А. П. ЧЕХОВА